

«Доходное место».
Кукушкина — Н. Терентьева

НАША МАМНАТАША

Наталью Терентьеву вспоминает **Антонина Михайловна Кузнецова**, народная артистка РФ, профессор ГИТИСа, мастер художественного слова.

Я не помню, чтобы хоть раз называла ее Натальей Ивановной. Мы с первого курса стали звать ее МамНаташа — в одно слово. Я тогда поступила в первый набор в Ярославское театральное училище. Наши педагоги были такими же горячими энтузиастами, как мы, горячие студенты. Мы любили друг друга без памяти! У нас преподавал муж Натальи Ивановны — и мы, соответственно, стали называть его ПапСережа. Это стало речевкой — МамНаташа, ПапСережа.

Я увидела ее в 1962 году. В первый же месяц мы всем курсом принялись ее активно, страстно обожать как артистку. Она была фантастической красоты женщина. Хотя, фантастическое — это что-то литературное, а между тем, в ней все было естественное и натуральное: и ее прекрасное лицо, и порода. МамНаташа вся была очень хороша. И это все освещалось теплой энергетикой — у нее сияли глаза, сияла она вся. Потому что была расположена к людям. Когда кто-то поступал нехорошо, она перед тем

«Материнское поле». Толгонай — Н. Терентьева. 1980-81

«Госпожа министерша». В роли Живки

как осуждать, удивлялась. Для нее это было неестественно. Моралей никому не читала. Она была профессионалом высокого класса — обаятельна на сцене, с тончайшими проработками каждой роли. Все их перечислить невозможно, а если выделить пять-шесть, то это будет несправедливо.

МамНаташу мы любили всегда — и на занятиях, и в жизни. Из 24 часов в сутки мы общались 20. Иногда занятия заканчивались в два часа ночи и потом, мало что соображая, выдохшиеся, но радостные, мы шли пешком к себе в общежитие. Она знала, что на стипендию невозможно было прожить, ребята голодали, и иногда после занятий МамНаташа своим божественным голосом говорила: «Сегодня идем ко мне». И в час ночи мы шли к ней домой. Нам не приходило в голову, что надо стесняться, все было естественно. Мы тут же все съедали. Вот так они с ПапСереей нас подкармливали...

Вместе с ними мы постигали ремесло. Не могу вспомнить мелочи, да и не в них дело. Сейчас студенты просят сказать новое слово, потому что старое для них не актуально. А мы точно знали, что надо учиться на школе, на традиционном театре, на всех его позовах, деталях. Не зная азов, не чувствуешь под собой почву. Какие новации?! В той школе не было агрессии, она всегда была с доброй энергетикой, с той, которая подзаряжает. Это самое главное.

Окончив училище, мы не прекращали общение. Чувства не линяют, даже если мы редко видимся. Каждый разговор был словно продолжением предыдущего. Мы оставались собой, стонать об ушедшей эпохе было не принято. Она у нас часто меняется, мы же в России живем. Чего только не видели! Но ощущение от самого процесса жизни было радостное. «Тош, а хорошо, что папа с мамой потрудились!» —

«Я, бабушка, Илико и Илларион». В роли Бабушки

Наталья Терентьева. 2005

говорила она мне. И я соглашалась, потому что мои папа с мамой тоже хорошо потрудились, — у нас есть сам факт жизни. Как хорошо, что мы живем! Тебе повезло, ты родился и живешь! Около МамНаташи было много зависти, а у нее этого чувства никогда не было. Она прожила жизнь, и все у нее было естественно от начала до конца. Ее любили и уважали. Она всегда была в центре не только нашего внимания, но и наших душ. У нее все всегда было без надрыва... Таких драгоценных по душевному таланту людей сейчас нет. Кругом агрессия, и многие ставят защитную стенку. Эта женщина, эта актриса ухитрилась прожить жизнь без такой стеники. У нее было чувство достоинства — женского, профессионального. И настоящее чувство самоиронии. Она так хороша была сделана папой и мамой, что я и сейчас радуюсь тому, что она была в моей жизни.

На прощании я сказала: «Скоро увидимся. Передавайте привет ПапСерееже. Пока-пока».

Подготовила Евгения КУЗЬМИНА